

– Да, он пришел на спектакль, чтобы предложить мне роль в “Жинетт Ляказ”. Мы смотрели на него с благоговением, потому что он был великим комиком. Но характер у него был свинский, и отношения с ним складывались непросто.

– Вас часто называли его женской ипостасью.

– По внешности я подходила – толстуха в очках. К тому же мы почти одинаково начинали и часто играли вместе. Нет ничего удивительного, что меня стали называть “младшей сестрой Колюша”. Меня это злило, я не хотела быть ничьей сестрой. К тому же быть двойником Колюша очень трудно. Сегодня все называют его гениальным комиком с подрывным чувством юмора, но мало кто помнит, что подрывным у него был характер, а не чувство юмора. Например, он часто говорил: “Ну, кого бы нам сегодня обос.ть?” Он ставил в центр не юмор, а провокацию. Я отношусь к юмору иначе.

– В прошлом вы говорили, что у вас были грандиозные скандалы с Колюшем, потому что он был главарем банды, а вы не хотели быть наложницей.

– Да, я не могу быть наложницей. Я хотела быть просто другом Колюша, а не членом его банды. У меня была своя банда, которая состояла из меня самой. Порой его это злило, порой – вызывало уважение. Когда он умер, с ним словно ушла моя юность. Словно какой-то огонь угас и никто больше не смог его разжечь.

– Чему он вас научил?

– Он научил меня говорить правду. Делать то, что говоришь, и говорить то, что думаешь. И не церемониться с людьми, которые ни в грош тебя не ставят.

– Первый успех в кино вам принес фильм “Загорелые”. Однако вы говорили, что этот фильм вам не нравится.

– Именно. У меня был период, когда мне хотелось быть хорошенькой. Я решила, что буду в этом фильме хорошенькой, и в результате получилась совершенно не смешной. Я была так расстроена, посмотрев готовый фильм! В тот день я окончательно поняла, что мне больше всего нравится смешить людей.

– Именно поэтому вы написали сценарий фильма “Мужчины предпочитают толстух”?

– Я хотела вывести на первый план персонаж, который до сих пор был подругой главной героини. Во французском кино это произошло впервые. После этого на меня стали смотреть иначе. До этого я была младшей сестрой Колюша, девочкой из “Загорелых”, а теперь я стала общенациональной толстухой. Потом мне удалось избавиться от всех этих ярлыков, но вначале было тяжело. Я помню, режиссер по кастингу, он всегда очень хорошо к нам относился, позвал меня на маленькую роль в “Жилье” Поланского. Он сказал мне по телефону: “Им нужна свинья отбивная”. Я плохо накрасилась, плохо оделась и получила роль.

– Вам было обидно, что вас используют в кино в качестве “свиной отбивной”?

– Если бы меня это унижало, я бы этого не делала! Я актриса и всегда держу дистанцию между собой и персонажем. Мне, наоборот, не хотелось бы играть женщин, слишком сильно похожих на меня. Именно поэтому я порой перегибала палку, играла своих ге-

роинь еще экстремальнее, чем они были прописаны в сценарии. Но я согласилась играть в эту игру только потому, что в личной жизни мне никогда не приходилось переживать то, что переживали мои героини. Моя личная жизнь всегда была в порядке. Я охотно играла “свиную отбивную”, потому что знала, что вечером снова встречу с красивым мужчиной, и мне будет с ним хорошо.

– После фильма “Мужчины предпочитают толстух” вы снялись в фильме “Дед Мороз – подонок”, который стал культовым.

– В спектакле моей роли не было, ее написали специально для кино. Во время съемок нам было весело, мы делали это для себя и не подозревали, что нас ждет такой огромный успех. Из-за названия у нас были проблемы с цензурой. По выходе фильм имел определенный успех, но с годами к нему стали относиться гораздо лучше.

– В 1984 году труппа Splendide в последний раз объединилась, чтобы снять фильм “Папочка идет в Сопровитование”.

– У меня там совсем маленькая роль. Этот фильм стал началом сотрудничества Жана-Мари Пуаре и Кристиана Клавье.

– Вам трудно было рвать старые связи?

– Мы решили это уже давно. После фильма “Загорелые на лыжах” мы поняли, что устали писать вместе. Особенно Мишель Блан и я. Нам пора было расстаться. Кристиан, Тьерри и Жерар пытались работать втроем, но у них ничего не вышло.

– Вы считаете, что у всех вас удачно сложился путь в кино?

– Да. Все сложилось так, как должно было. Конечно, мне немного жаль, что Мишель Блан, которого я считаю комедийным гением, больше не снимается в комедиях. Но его путь режиссера-постановщика логичен, потому что он не очень стремился смешить людей. То же самое с остальными. Лермитт всегда был антрепренером в лучшем, творческом смысле этого слова. Клавье хотел стать новым Луи де Фюнесом. Жюньо – автор. Я очень рада, что в фильме “Лучшая надежда женщин” он дал себе подходящую роль. Все мы сделали карьеры, о которых мечтали. Время от времени мы встречаемся, ужинаем вместе. С Бланом и Лермиттом я вижу чаще, чем с остальными. А когда собираемся вместе, кажется, что мы и не расставались вовсе. Сразу же начинаем дурачиться. Когда Мишель Блан снимал в “Большой усталости” сцену, где участвовали мы все, это была катастрофа. Мы даже не давали ему выговорить команду “Мотор!”

– Вы готовы снова сняться вместе?

– Не знаю. Меня удивляет, что ни один режиссер не хочет нас объединять. Может быть, они боятся, что это будет дорого стоить. Или нас считают неприкасаемыми.

– Почему вы занялись режиссурой?

– Потому что меня заставили! Я не хотела. Мы с Жаком Одиаром написали “Змеинное логово”, но никак не могли найти режиссера. Пришлось отдуваться мне. Продюсеры автоматически решили, что я буду снимать веселое кино. Конечно, это была комедия, но для того времени она была слишком черной и подрывной. Никто не ждал от меня такого

фильма, и поэтому он не имел успеха. А съемки были такими трудными, что я больше и слышать не хотела о режиссуре. Только после моего второго проекта Les keufs я поняла, какое это удовольствие – ставить фильм.

– Вы часто играли одиноким женщинам.

– Наверное, потому, что в жизни я никогда не была одинока, и мне хотелось побывать на экране в амплуа бедных жертв и страдальц. Сама я никогда не страдала от одиночества, потому что никогда не была одинокой. У меня всегда были мужчины, я их любила, и они любили меня. Но если бы не взяла судьбу в собственные руки, то, наверное, была бы похожа на этих несчастных женщин, отвергнутых обществом, без конца плачущих и жалующихся на жизнь. А я не хотела быть жертвой. Еще в детстве я решила – не знаю, почему, – что стану знаменитой. И уже тогда решила, что не буду похожа на других. Мне хотелось преуспеть. Я никогда никому не говорила об этом, даже моим родителям, но я чувствовала себя не такой, как все. В школе я чувствовала себя отчужденно, но меня это не волновало. Наоборот – я считала, что во мне есть что-то, чего нет в других. Я понимаю, что это звучит претенциозно, но это чистая правда.

– В 1988 году Бертран Блие написал для вас роль в фильме “Слишком хороша для тебя”.

– Колетт Лассу, которая любит мужчин сверху! (Смех).

– Вам не кажется, что эта роль была жестокой?

– Да, играть ее было трудно. После съемок у меня даже была небольшая депрессия. Потому что фильм снова возвращал меня к имиджу той, какой я могла стать. Хотя я была замужем и довольна своей жизнью, какие-то черты Колетт во мне есть, это Бертран хорошо подсмотрел.

– Кароль Буке говорила, что этот фильм помог ей многое понять в ее душе.

– Мне нечего было особенно понимать. Но это великодушный фильм, я смогла воплотить в жизнь свою мечту – поработать с Бертраном. И потом, в фильме снимался Жерар Депардьё, и он был очень добр ко мне. Он вел себя, как мой старший брат, даже следил, чтобы меня правильно освещали!

– Многое ли изменила эта роль в вашей карьере?

– Профессоры сказали: “Смотрите-ка, она умеет не только смешить!” Они всегда говорят это, когда комический актер играет драматическую роль. Они его “открывают”. Но в общем-то ничего не изменилось. Большие французские режиссеры мною так и не заинтересовались.

– Однако вы снялись в “Отеле “Америк” Андре Тешине.

– И мне это очень понравилось. Я люблю Тешине за то, что он умеет ценить актеров. Жалею только о том, что больше нам не довелось работать вместе. В этом фильме я нырнула в иной мир, чрезвычайно далекий от комедии, и мне там понравилось. В фильме снималась Катрин Денев. И Патрик Деваэр, с которым я была хорошо знакома. В то время у него как раз начинались проблемы. Он был гением. Еще один слишком рано погасший огонь французского кино. Я им восхищалась, он мог сыграть все. Но он не умел

сопротивляться – ни на работе, ни в жизни. Знаете, когда я вспоминаю молодые годы, то мне приходит в голову, что на линии старта нас было очень много. Свою первую значительную роль я сыграла в фильме “Маленькие и нежные”. Там три актрисы – Доминик Лаффе, Каролин Картье и я. Сегодня жива только я. У нас очень опасная профессия. К счастью, у меня всегда был выход – если меня переставали приглашать сниматься, я начинала писать. Это был мой способ сопротивляться, не быть заложницей режиссера.

– В 1995 году вы поставили “Проклятый газон”, за него получили премию Французской киноакадемии в категории “лучший сценарий”. Это был первый фильм, где вы играли соблазнительницу.

– Знаете, во всех моих фильмах, даже если я не играю соблазнительницу, все равно получаю в финале самого красивого парня! (Смех). А “Проклятый газон” мы снимали в атмосфере полного согласия и веселья. Мы все нежно любили друг друга, ни разу не поскандальили. Это был загородный пикник, но мы почему-то работали. У меня сложилась отличная алхимия с Викторией Абриль и Аленом Шаба.

– Вы чувствовали, что фильм получится таким удачным?

– Я не ожидала такого огромного успеха. Я вложила в фильм очень много себя – особенно на уровне чувств. По этому фильму вы можете судить, что я думаю о любви. Я очень романтичный человек, верю в вечную любовь, великую любовь, которая бывает только раз в жизни. Конечно, потом можно снова влюбиться, но великая любовь бывает только раз.

– Когда вы стали актрисой, вы ощутили себя в большей степени соблазнительницей, чем до того?

– Не знаю – я стала актрисой так давно! Когда ты работаешь в кино долго, люди начинают смотреть на тебя иначе. Ты становишься частью кинопейзажа. Люди на улице относятся ко мне хорошо. Они называют меня по имени и на ты, словно я – член их семьи. Соблазнительница? Любая женщина, живущая в мире с собой и своим телом, может соблазнить. Хотя женщинам все равно приходится труднее, чем мужчинам.

– Вы не жалеете, что сделали пластическую операцию носа?

– Нет, никогда! Во-первых, теперь я меньше похожа на Колюша. Иногда я говорю себе, что могла бы обойтись и без этого, но мой нос когда-то мешал мне, стеснял меня и не давал делать то, что мне хотелось. Зачем страдать? Зато сегодня, когда операторы спрашивают, какой профиль я предпочитаю, правый или левый, я отвечаю, что у меня два идеальных профиля.

– В фильме “Громкий вопль любви” вы играете актрису, чья слава осталась в прошлом, чья карьера погублена алкоголизмом и страстями.

– Уверяю вас, в этом фильме нет ничего автобиографического. Это дань уважения всем актерам. Я хорошо знаю лицедеев, их огромный эгоизм, за ним же скрываются страх и невероятная уязвимость. Поэтому они и устраивают всяческие выходки и капризы. Они выставляют напоказ

внешность, потому что очень хрупки внутренне. Мне было обидно, что фильм не имел успеха, но нам не дали ни одного шанса: “Громкий вопль любви” вышел в прокат день в день с “Титаником”.

– Вы сильно переживали из-за провала “Сына Француз”?

– Нет, потому что на съемках я познакомилась с замечательными людьми, в том числе с Фанни Ардан, ее считаю удивительной актрисой. Есть актрисы, которые не любят женщин. Я их люблю. Я не чувствую соперничества с другими актрисами, потому что таких, как я, в кино больше нет. Главное в жизни – дружба, и в моей профессии мне больше всего нравится возможность находить новых друзей после 50 лет. Я в восторге от возможности сниматься с Натали Бэй в фильме “Просто фантастика”. У нее имидж рассудочной и холерной женщины, но на самом деле она очень забавный человек.

– Во всех ваших фильмах есть один общий элемент: сцены скандалов.

– Надо сказать, что у меня есть определенный опыт семейно-бытовых ссор. Это прекрасный опыт для комической актрисы.

– Сегодня вы бунтуете так же сильно, как в 20 лет?

– Конечно, сегодня во мне меньше энергии, я устала. К тому же трудно оставаться бунтовщицей, когда все принимают тебя такой, какая ты есть. Нельзя же бунтовать просто так, из любви к бунтарству! Но порой я занимаю радикальные позиции по каким-то вопросам и не скрываю своего мнения.

– Вы по-прежнему считаете, что “систему нужно уметь отыграть”?

– Да, но чтобы ее отыграть, нужно оказаться внутри нее. В юности я говорила себе: “Когда-нибудь я всех их отыграю!” Я не желала зла конкретным людям, и думаю, что доставляла им скорее удовольствие, чем неприятности. Но в системе для меня не было места. Поэтому мне пришлось создавать это место.

– Вам пришлось за него бороться?

– Нет, мне пришлось работать. Много работать. Я никогда ничего не ждала и ни на кого не рассчитывала. И только сейчас все начало меняться. Я стала много работать как актриса. Для меня было огромным удовольствием сниматься в “Распутнике” Агиона. Наверное, в 50 лет я лучше, чем в 30, соответствую представлению режиссера о том, какой должна быть женщина. И возраст никогда не был для меня проблемой. Единственное, что меня угнетает, – что с годами время летит все быстрее. Со временем я становлюсь спокойнее, уравновешеннее. И радикальнее.

– Вы всегда были верны себе?

– А зачем меняться? Я не стыжусь себя, какая я есть. Главное – уметь спокойно смотреть на себя в зеркало по утрам. Есть люди, которые всю жизнь пытаются выдать себя за кого-то другого. Я бы так не смогла.